

Отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение.

1-е Петра 2:1-2

Слово – величание Бога: «В начале бе *Слово*, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово¹»; *язык* у русских встарь – *народ*: «С нами Бог, разумеите *языцы* и покоряйтесь!..», а потому без слова, бережённому в исконной и самобытной красе и любомудрии, нет в языке Бога, нет и самого народа; бредёт погоняемое князем тьмы воловье стадо, утробно мычащее, пашущее от темна до темна за навильник заплесневелой соломы и бесплодную случку, чтобы однажды, обратившись в свиней, в коих вошли бесы, ринуться с обрыва в чёрную бездну. Вот отчего мы, русские, и всполошились: в былой ли Божией силе родная речь, а значит и сам народ?.. А, бывало, похвалялись: «Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой, и славной исторической судьбы. Русский язык единодушно всеми признается великим языком великого народа»². Так в назидание и завещание потомкам говорил академик В. Виноградов, верно и любовно служивший русской речи. Даже сквозь вой и визг либеральных ведунов и ведьм с лысой горы, сквозь дикие пляски иноверцев на отеческих жальниках, уловив русским ухом русофильскую мысль, пристыженный и обиженный за разорённую державу, нынешний правитель России возжелал свершить нечто русское державное, и седьмое лето двадцать первого века державно повелел звать «Годом русского языка», и порадеть родимой речи. Но веление велением: жалует царь да не жалует псарь, а псари ныне лихо верховодят, и царя на коротком поводке водят. Им вели, не вели, что в лоб, что по лбу, что об стенку горох, одна холера, но козни строить государеву слову и делу – хлебом не корми. Царь, удушливо хрипя, рвёт цепь; осмелился порадеть русскому языку, хотя, может, и чуял, что возопит безродное окаянство,

¹ Библия. От Иоанна Святое благовествование. 1-1, с. 382. Библейские комиссии «Духовное просвещение». 1991.

² Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973, с. 160.

властвующее на Руси, повинит в национальном эгоизме. (А может, исподтишка уговорились простой и доверчивый народ потешить, чтобы лишний норов вышел, на деле же – ворон ворону глаз не выклюнет?.. а набуровить наши правители могут семь вёрст до небёс и всё лесом...) Ведь не утихли и по сей день многоучёные споры, дичее и нелепее коих вообразить трудно: вводить или не вводить в средних и высших учебных заведениях основы православного христианства, коль *в стране дураков* много конфессий. Но противники Закона Божия в школах и вузах словно запамятовали, что русские в России, составляющие девяносто процентов населения, – государствообразующая нация, а православие – духовная основа государственной идеологии. Православное воцерковление ради спасения души в Царствии Божием – дело личное и сокровенное для человека, но изучение Библии, и, особо, Нового Завета, изучение Святоотеческого Предания (история РПЦ, жития и поучения святых отцов) необходимы для того, чтобы постигнуть и осмыслить историческую, мистическую судьбу русского народа, уразуметь произведения русского и мирового искусства с библейскими мотивами.

Подобные споры в мусульманских странах – изучать ли поколению ислам – не снились мусульманам даже в жутком и греховном сне, ибо для них религиозное знание столь же разумеющееся, как и знание грамматики своего языка. Лишь в нынешнем русском царстве-государстве возможно сомнение: а нужны ли малым чадам и подросткам святоотеческая вера и корневой русский язык. Помнят окаянные кормчие родное им, лихое ленинское времечко, когда лишь молви шёпотом: «я – русский», и ты уже «фашист», «юдофоб», и поставлен к стенке. Впрочем, теперешние псари дьявольски умудрённые: какого лешего шумиху подымать, не лучше ль обратить царский указ в филькину грамотку, в скомороший посмех. И обратили...

Бог им судья, безродным и окаянным, но и *правитель России, и радетели русского языка из учёной и писательской братии понимают ли, о каком языке печалются: о любознательной, певучей и живописной народной (крестьянской) речи, похожей на летнее поле в душистом разнотравье-разноцветье или о русскоязычной речи, серой и безликой, похожей на бетон, под которым в муках умер цветастый пойменный луг?..*

Величайший художник всех времён и народов напишет гениальный пейзаж – река, приречная поляна в разноцветье-разнотравье, а за рекой в сизой дымке таёжные хребты, увенчанные облаками, а выше – синь небесная, – запечатлеет се живописец, но лишь робко коснётся душой и живописным даром таинства природы; природа же – Творение Божие, будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, – останется не вмещающей в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная, суть, крестьянская, языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом, прозаическом слове – в эпосе, в былине и песне, в житийном мифе и заговорной молитовке, причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в пословице и поговорке, – всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Как беспомощны краски перед природой – бедные и бледные, так и бессильно книжное слово перед исконным крестьянским – серое и квелое. Недаром чародей поэтической речи, сплётший устное и письменное слово, выдающийся русский писатель Борис Шергин с грустью вздохнул: «Русское слово в книге молчит... Напоминает ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?..»¹

У Пушкина – гения всех времён и народов – руки опускались перед народным словом, воплощённом в былинах, песнях, сказках, пословицах и поговорках, из чего следует, что народное поэтическое слово, в гениальности превосходя не токмо Пушкина, но и всю классическую прозу и поэзию, – суть произведения, созданные всем русским народом соборно, и доводились до ума и божественного духа долгими веками.

Сквозь блудливый романтический туман салонной поэзии – по-британски студёной, по-французски панталонно-розовой, по-германски грузной и обильной, сквозь книжно-библейский лиризм славянофильской поэзии, писатель Фёдор Достоевский высматривал в российской будущности эпоху крестьянской книжной поэзии и великого поэта от сохи и бороны. Слушая деревенскую песню, Фёдор Михайлович – в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу в её небесных взлетах и сумрачных паденьях, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, – вдруг удивлённо, озарено промолвил: «Ах вы сени, мои сени... Поэт не ниже Пушкина...»² И это решил Достоевский, в Пушкине души не чаявший, и в речи, звучавшей на заседании Общества

¹ Шергин Б.В. Древние памяти. М., «Худ. Лит». 1989. С. 483.

² Цитированно по книге: Байбородин А.Г. Душа грустит о небесах. Иркутск. «Арт-Пресс». 2003. С.10.

любителей российской словесности, вдруг воскликнувший: «Никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин»¹. И вот на тебе: *«Поэт не ниже Пушкина...»* А, может, и выше Пушкина, если припомнить, что и *«Сени...»* – песня не самая великая в русской народной поэзии, коя необозрима, непостижима, будучи подобна Природе – Творению Божию с её земными и небесными стихиями.

А Пушкин на склоне короткого века признался Владимиру Далю, обречённо склонив голову пред неодолимой мощью тысячелетнего народного слова: «Сказка сказкой, – говорил он, – а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, – надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя ещё! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»²

Как писал я некогда в очерке о Сергее Есенине: «...тускнеет книжная поэзия, даже пушкинская, пред мудрым крестьянским словом, кружевным, резным, молвленным ли былинщиком у русской печи при лучинушке, вопленным ли плачией на свадьбе, похоронах или проводах рекрутов, спетом ли в застолье, в хороводе. Не все они – сказители, певни, плакальщицы-вопленицы – были ровни по духовной силе и красе слова, но и великих рожала земля русская. Вспомним и Киришу Данилова, и сказителей Рябиновых, и плачею Арину Федосову, и сказочницу-былинщицу Марью Кривополенову, за малый рост прозванную Махоней, и даже нашего присаянского земляка Сороковикова-Магая. Их поэзию не вместить в книги, сколько бы их не издавалось на Руси, как сроду не вместить в альбомы все красоты русские. Но вот, скажем, «Причитания северного края» Ирины Федосовой, напечатанные в трёх томах (1872-1875 годы), получили всесветную славу. Об этой книге писали статьи знаменитые учёные академики Л.Н.Майков и А.Н.Веселовский. Её поэмы-плачи звучали на больших заседаниях в Российской академии Наук, в Русском географическом обществе, в Археологическом институте, на вечерах у графа Шереметьева и Победоносцева. Ирину Андреевну слушали, читали, с восторженным удивлением писали о её поэмах-плачах и Некрасов, и Римский-Корсаков, и Балакирев, и Шаляпин, и Пришвин, и Твардовский, и даже Горький, не привечавший русского крестьянства; мало того, они и в своём творчестве вдохновлялись поэзией деревенской бабы, которая... не знала книжной грамоты и долго бродила по родимой земле с нищенской котомкой и певучей причетью. Некрасов один из плачей Ирины Федосовой ввёл в поэму «Кому на Руси жить хорошо». Это она, Арина Федосова, деревенщина простая и вещая, увидела ещё задолго до кровавого переворота: «Хоть повыстанем по утрышку ранешенько, / Не о добрых делах мы думу думаем, / **Мы на сонмище бесовско собираемся, / Мы во тяжких грехах да не прощаемся!** / Знать, за наше за велико беззаконие / Допустил Господь ловцов да на клян-море; / Изловили они рыбоньку незнамую, / Повыняли ключи да подземельные, / Пovyпустили горюшко великое! / Зло несносное велико это горюшко / По Россиюшке летает ясным соколом, / Над крестьянамы, злодийно, чёрным вороном. (...) Послушайте словеса наши старинные, / Заприметьте того, малы недоросточки! / Уж как это сине морюшко сбушуется, / **Все изменятся пустыни богомольные, / Разорятся все часовенки спасенные** (Выделено мною, – А.Б.)³. Устное поэтическое слово – вот семенное зерно, из коего возшла, заколосилась русская лирика, и не увяла даже при духовной засухе»⁴

Отчаянным босяком и шатуном забрёл в русскую литературу Алеша Пешков, воспел безродного бродягу Челкаша, зло посмеявшись над мужиком Гаврилой; потом до интеллигентской одури на читался мировой литературы и философии, вдосталь нахлебался европейского искусства, и вырос в большого советского писателя Максима Горького. С богоборческой яростью ненавидел сочинения Достоевского, воспевшего любовь ко Христу Богу и русскому простолудью; не любил испоконного раба Божиего, русского крестьянина (девятьюстами процентов российского народа), с его боголюбием, царелюбием, смирением и терпением, с его замшелым домостроем, но даже он, Максим Горький, буревестник кровавого бунта, измаянный противоречиями, настойчиво советовал начинающим сочинителям: «Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки русские, былины, сборники песен, Библию, классиков. Читайте Афанасьева, Киреевского, Рыбникова, Данилова,

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. Том. 19. С.15. Ленинград. 1979.

² Цитировано по статье: Даль и Пушкин. Сайт *Хронос.ru*

³ Федосова И.А. Цит. по сб. «Русские народные сказители». М., 1089. С. 172.

⁴ Байбородин А.Г. Душа грустит о небесах. Иркутск. «Арт-Пресс». 2003. С.19–20.

Аксакова (...). Кое-что покажется вам скучновато – читайте! Вникайте в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, сказке, в Псалтыре, в Песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту, чарующую силой, изумительную красоту определений. Вникайте в творчество народное – это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных, сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создаёт образ двумя-тремя словами».¹

Фреска в храме может жить немеркнуще до скончания света, если храм любовно обихаживать, не давать воли гибельному запустению, а тем паче разрушению и переделу-новоделу; так и слово народное не запустошивать бы, не уничтожать заёмными речениями, но чередой из уст в уста бережно передавать. Вот о какой родной речи порадеть бы государевым людям и смердам, не токмо лишь в Год русского языка, а отныне и довеку, покуда русские во житье и здравии.

Русское простолюдые, чудное и чудное, заслонившись ладонью от палящего солнца, извечно и ныне, высматривает спасительное для России чудо и надеется: по молитвам Богородицы Девы, ангелов Божиих и всех святых, от сотворения мира просиявших, Господь Бог, покарав за грехи безбожием и кровавой смутой, ныне помиловал покаянную Русь и трудами боголюбивых русичей созидает благочестивое Отечество, где воцарит любовь к Вышнему и ближнему. Может, Бог, даровал России и нынешнего правителя?.. хотя... неисповедимы пути Господни, но и в сие чудо хочется верить... Когда правитель Владимир Путин окреп во власти, оперился, окружился верными министрами, мало того, подобно царю Ивану Грозному, оборонно защитился опричной гвардией, тогда и стал теснить из Кремля сатанаилов, – холопов заморского беса, захвативших Кремль и два десятилетия сокрушавших Русь.

К ярости хриstopродавцев, теряющих власть, светает в родимом краю, тает гибельный сумрак, стихают в кремлевской ограде чужебесные песни и пляски, и чудится русичу, – власть нынешняя даст волю слову русскому, и слово, вырвавшись из чужеверного полона, вновь зазвучит по земле русской в боголепной речи, в родимой песне, в древлеотеческой молитве и святом псалме. Чудится, блазнится блаженному русичу; перекрестись брат...

* * *

«Выскажу убеждение своё прямо: словесная речь человека – это дар Божий, откровение: доколе человек живёт в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и СИЛЬНА; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумняется, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлет, а в научном круге получает особое, условное значение»², – так полагал великий труженик русской речи Владимир Даль. Продолжая выстраданную мысль, можно сказать, что дворянство, – перчаточное сословие, по едкому определению Даля, – потом интеллигенция разучились или не научились беседовать с простым народом, красно и мудро вести речь на исконном русском наречии, похожем на летний луг в чудных цветах пословиц, поговорок, присловий, прибауток. Мы, – как испокон века морщатся деревенские, *гнилая* интеллигенция, – отвадились *красно баить*... балагурить, судачить, и простонародье перестало нас понимать и привечать. А если *деревенские* сочинители начинают живописать, щедро сея в сказовую ниву народные говоры, наша *просвещённая* критика, язвительно скривив рот, усмехается, ухмыляется в нафабранные и надушенные усы: мол, – *щедровитый, красовитый*, – так болтает лишь выжившее из ума, замшелое деревенское старичье на завалинке, а сельский молодняк давно уже говорит, как в городе.

Мне повезло: долго обитал я в старом селе, бродил по деревням, дивился любомудрию и красе простолюдной речи, что в учёных книгах именовалась *сниженной, просторечной*; позже, перелопатив словари сибирских говорков, составил свои памяти народного красноречия, кои подсобляли мне в создании правдивой языковой картины Забайкалья. И уж могу верно сказать, говорят ли нынче в деревне *«щедровитый, красовитый»*?..

Помню, лет десять назад занесло меня бродячим ветром в забайкальское село; оглядываюсь подле сельповской лавки, а тут машина с будкой подворачивает, и высыпали на магазинское крыльцо смешливые доярки и, по-сорочьи треща, залетели в лавку. А как выпорхнули и снова забрались в

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т.М., 1951, т. 24. с. 235.

² Даль В. Пословицы русского народа. М., 1994. С.6.

будку, шофёр ...учительский сын, недавно из армии пришёл... высунулся из кабины и кричит сме-
хом: «Но чо, деуки, пристягнулись?..» «Пристягну-улись!.. Но ты шибко-то коня не понужай, – чай,
не дрова везешь...» «Но тогда полятели, сороки-вороны...» Вот вам и «*красовитость*»...

Или, помню, удили по тонкому льду на забайкальском озерище – окуня, сорогу добывали; лунки
выдолбили, забормашили – кинули по горстке бормаша, и решили перекурить. А теплыню повеяло,
снег влажно и ослепительно искрился, лёд на проплешинах синевато, зеленовато, радужно перели-
вался... Здешний рыбак Илья Парфёнович Скосырский хлебнул из фляжки за компанию с приезжи-
ми городскими рыбаками и начал было потешные байки заливать про старопрежнюю рыбалку. А тут
городской мужик возьми, да и брякни: «Ни-ичего не пойму, о чём ты, старик, базаришь». Обиделся
Илья Парфёнович, усмехнулся в заиндевелые усы: «У меня поговор такой, а как уж там по-городски,
не знаю. Мы же все чуем, чо городские бают, а вы пошто наш поговор не чуετε?.. Али мы не русские,
али уж вы отучились по-русски говорить¹... – а позже с глазу на глаз Илья Парфёнович поведал мне.
– Шибко долгую жизнь я живу. Чево токма в жизни не понаслушался, а вот нет ничо лучше, ковда на
своем поговоре сказку слушать или другой какой рассказ про старое или новое. Вот ковда от дома
далеко, да земляка встренишь, да как услышишь от него два-три слова, которы в твоей деревне слы-
шал с детства, но адали домой на побывку съездил. Вот чо значит родное слово услыхать²...»

* * *

Я заматерел среди редких мужиков, которые не анекдоты травили, а сказывали побывальщины
и байки; я вырос в мудром и украсном языке, а се что в дивной и щедрой тайге, а посему согласен
с книжными русофилами: приторно читать иного «русопята», когда тот, словно измываясь над рус-
ским словом, за признак или призрак народной, суть крестьянской речи выдает «чо» и «почо» да
«знаш, понимаеш», ибо не ведает что сила и краса народной речи таится в природном, цветастом об-
разе, в притчевом и пословичном любомудрии. Выше запечатлённые сельские жители – люди про-
стые, речью скудные, вроде моей тётки Нюры, которая, помню, говаривала, глядя в окошко: «Глянь,
Дуся-то с хахалем пошли ползунику собирать³... От ить, прости Господи, не баба, куль с костями
бренчит, а хахаля отхватила – таракан запечный, с усамы. Свой-то мужик под святыми лежит, поми-
рат, а блудня хвост задрала, по рукам пошла...» Се ходовая деревенская речь, а послушай-ка, брат,
сельских балагуров, краснобаев да краснопевцев, писатели «деревенщики» смеркнут; те лишь при-
коснулись к стихии народной речи и вышли в писатели, возлюбленные простолюдьем.

* * *

Пав ниц перед величием народной речи, великий знаток русских календарных обрядов и обычаев
Иван Сахаров возмущался: «Было время, когда я слышал, как в городах и сёлах русские, наученные
заморскими бродягами, с презрением говорили, что русский язык есть язык холопский, что образо-
ванному человеку совестно читать и писать по-русски, что наши песни, сказки и предания глупы,
пошлы и суть достояние подлого простого народа, деревенских мужиков и баб, что наша народная
одежда (повязка, кокошник, сарафан и кафтан) заклеяены презрением, осуждены Европой на из-
гнание и носят на себе отпечаток холопства, вынесенного из Азии.»⁴ Воистину, не понимали народ-
ную речь, а с речью и народную душу, дворяне с разночинцами и нынешняя *образованщина*, даже
в классических университетах изучавшая русский язык и стилистику. В словарях, и учебниках, по
которым они *проходили* или *пробегали* русский язык, мудрая, звучная и живописная простонародная
речь именовалась грубо-просторечной, лексически сниженной.

На закате девятнадцатого и на кровавом восходе двадцатого века свирепо порадели на ниве рус-
ского книжного языка местечковые литераторы и прочие шелкопёры, о чем писал опять же Куприн в
мужественном и откровенном письме Ф.Д. Батюшкову: «...Но есть одна – только одна область, в ко-
торой простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к

¹ Использована реальная запись 1937 года: Илья Парфенович Скосырский. Село Шапенково, Баргузин-
ского района, Прибайкалье.

² Использована реальная запись 1937 года: Елшин Артем Васильевич. Баргузин, Прибайкалье.

³ Ползунику брать, сшибать, – по-деревенски означало: миловаться, целоваться; ежели в супружестве – ладно, а ежли
круг ракитова куста венчались – блудят.

⁴ Цит. по кн. Селезнев Ю.И. Избранное. М., 1987. С. 405.

ней евреи – вообще легко ко всему приспособливающийся – относятся с величайшей небрежностью. Ведь никто, как они, внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращённых, нелепых и противных слов. Они создали теперешнюю ужасную по языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюратину. Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию. Они же, начиная от «свистуна» (словечко Л.Толстого) М. Нордау, и кончая Оскаром Норвежским, полезли в постель, в нужник, в столовую и в ванную к писателям. Ради Бога!.. идите в генералы, инженеры, учёные, доктора, адвокаты – куда хотите! Но не трогайте нашего языка, который вам чужд, и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения.»¹

Разумеется, в сравнении со стародворянской, все же хоть и нерусской по духу и узору, но по-французски утончённой, в сравнении с книжно-разночинной, нынешняя ходовая устная и письменная русскоязычная речь похожа на серый железобетонный дом с крикливыми щитами рекламы на ломаном английском языке. Это язык не русской, не английской, – серой расы... А как сказал некогда евразийский поэт: «Серая раса, – сволочи...» Неживая, пластмассовая речь была прозвана учёными мужами *макаронической*, ибо жутко замусорена иноземными варваризмами, об которые язык сломаешь, мозги свернёшь, которые, как мужики смеются, без бутылки и не вышепчешь. Все эти *приватизации, номинации, презентации, рокеры, брокеры, рекиты, дилеры, мэры, пэры, клипы, шопы, шоу...* — обрыдли здоровому русскому уху; это – иноземная технократическая свалка в оскудевшей ныне, но некогда щедрой и вольной, красивой природе народного языка; и как бы нам избавиться от языковой помойки, поскольку многим иноземным речениям есть заменители в родном наречии.²

Мы вроде стесняемся перед Европой и Америкой своего родного языка, как и народной культуры, пялим на широкую русскую кость аглицкие панталоны, а штаны заморские трещат по швам. (Даже наши сельские специалисты, коим сам Бог ссудил легко и вольно владеть народным говором, поскольку общаются с деревенским людом, и те сплошь и рядом не умеют говорить с простонародьем на их исконном наречии, и себя, и крестьян величают аграриями; и так это звучит смешно да грешно, когда агрономы возглашают: в поля аграрии навоз вывозили...) Помню, некий образованец принародно вещал про форсистого артиста: мол, у него харизма своеобразная, на что простоватый мужичок пожал плечами: дескать, харя как харя, ничего особого. Пристрастие русской поросли к английскому языку и англоязычной культуре – признак яремного, колониального, холопского сознания.

В конце восемнадцатого века поэт Александр Сумароков упреждал русаков: «Вовек отеческим языком не гнушайся, / И не вводи в него чужого ничего, / Но собственной своей красою украшайся...»³ Даже Иван Тургенев, несмотря на свои поздние либерально-западнические, германофильские воззрения, невзирая на резкое неприятие русской народности (*роман «Дым»*), слёзно умолял: «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. **Русский язык так богат, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас.**»⁴

А уж как страдал и печалился о русской речи, засорённой чужеземной тарабарщиной, Владимир Даль, великий знаток народной языковой Вселенной: «Смесь нижегородского с французским (*ныне, английским, – А. Б.*) была мне ненавистна по природе...»

И чего уж нам пресмыкаться, выстилаться перед тем же английским языком, если, как поведал Гавриил Державин: «*Славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские...*»⁵ Пристрастие к чужеземной речи, французской, потом английской, – беда холопского сознания и оторванного от народной мудрости, западно-европейского безбожного просвещения. Александр Пушкин с горькой иронией писал в стародавние времена, а вроде нынче:

Ты просвещением свой разум осветил,

Ты правды лик увидел,

¹ Там же. С. 407.

² Белинский В.Г. О русских классиках. М., «Худ. Лит». 1979. С.350.

³ Цит. по кн. Бондаренко В.Г. Серебрянный век простонародья. М., 2004.С. 225

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Там же. С. 284.

И нежно чуждые народы возлюбил,

И мудро свой возненавидел.¹

В нынешнем веке к чуждебесному просвещению добавилась ещё и голубоэкранный порча.

* * *

Говоря о засорении русского языка чрезмерными иноземными заимствованиями, я не навязываю, так называемого *пуризма*, в чем многоученные русисты – особо либерально-демократического толка – некогда обвиняли министра просвещения, президента императорской Академии наук, вице-адмирала Александра Семёновича Шишкова, мелкими придирками, вроде *мокроступов*, пытаюсь сжить со света его великие письменные труды о русской речи, как языке самом древнем, являющем собой корни и ствол, от коих ветвями в незапамятные времена выросли европейские языки. «**Наш язык – древо, породившее отрасли наречий иных...** Да умножится, да возрастет усердие к русскому слову и в делателях, и в слушателях!.. Я почитаю язык наш **столь древним**, что источники его теряются во мраке времён; столь в звуках своих **верным подражателем природы**, что, кажется, она сама его составляла; **столь изобильным** в раздроблении мыслей на множество самых тонких отличий, и **вместе столь важным и простым**, что каждое говорящее им лицо может особыми, приличными званию своему словами объясняться...»²

Великий радетель исконной русской речи Александр Семёнович Шишков ратовал за изыскание в многовековой истории родного языка истинно русских слов взамен чужестранных, и само это желание похвально для русского государственника. А уж о мере эдакого желания судить трудно. Мало того, министр просвещения, ополчившись даже на святителя Филарета, митрополита Московского, был рьяным противником перевода Священного Писания с церковнославянского на светский язык, впрочем, как и иные члены патриотического общества «Беседа любителей русского слова», которое и возглавлял вождь консервативной русской мысли в России – вице-адмирал Александр Семёнович Шишков.

«Сей «муж отечестволюбивый», бесспорно, является одним из столпов русской культуры XIX века, – соглашается Александр Сегень, посвятивший великому консерватору немало страниц в романе о святителе Филарете. – В молодости бравый моряк, с ранних лет одновременно начавший увлекаться филологией и переводить на русский язык иностранные книги, он был стойким противником засорения русского языка иностранщиной и успешно боролся за сохранение самобытности нашей речи. (...) В 1803 году Шишков опубликовал свой важнейший труд «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». В 1805 году вышел в свет его перевод «Слова о полку Игореве». В 1810 он создал общество «Беседа любителей русского слова». Все мы помним, как озорники, дурачась над стремлением Шишкова находить русскую замену иностранным словам, придумали такую дразнилку: «Хорошилище идёт по гульбищу из позорища на ристалище», что в переводе на иностранные заимствованные слова означало: «Франт идёт по бульвару из театра в цирк». Помним и злые эпиграммы Пушкина на Шишкова. Но если внимательно прочитать шишковское «Рассуждение о старом и новом слоге», содержащее обширный словарь русских слов, которые Александр Семёнович предлагал воскресить, заменяя ими заморские, нетрудно увидеть, как много этих слов Пушкин использовал в своих произведениях, тем самым, проведя в жизнь мечты Шишкова! Так что и Александр Семёнович приложил руку к созданию русского литературного языка. Когда в 1817 году родилось министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил ненавистный Голицын, Шишков, конечно же, сразу стал яростным врагом этого учреждения. Не переставал он бороться и с библейским обществом, открыто называя его членов пособниками мирового протестантизма. Голицына он обвинял в упадке нравственности, в разгуле свободомыслия и антиправославного мистицизма. Шишков говорил: «Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращён с истинного пути и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия». А о переводах Библии на новый язык Александр Семёнович отзывался так: «Это переводы с языка Церкви на язык театра». Семидесятилетний президент Российской академии наук адмирал Шишков стал министром народного просвещения.

¹ Пушкин А.С. Собр. Соч. в 10-ти томах. Москва. «Худ. Лит». 1974. Т. 2. с. 533

² А. С. Шишков «Славянорусский корнеслов». Москва «Духовное преображение», 2011 г.

В 1815 году Пушкин писал свою известную эпиграмму «Угрюмых тройка есть певцов – Шихматов, Шаховской, Шишков»; а во «Втором послании к цензору» Александр Сергеевич иначе написал об Александре Семёновиче и его новом назначении: «Обдумав, наконец, намеренья благие, / Министра честного наш добрый царь избрал, / Шишков наук уже правленье воспринял. / Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, / Он славен славою двенадцатого года; / Один в толпе вельмож он русских муз любил, / Их, незамеченных, созвал, соединил...»

Одновременно Шишкова назначили главноуправляющим делами иностранных вероисповеданий. Наконец-то в России началась борьба с иностранным засильем, с раболепным почитанием всего европейского и презрением всего русского. Во главе этой борьбы встал тот, кто ещё тринадцать лет назад в своём «Рассуждении о любви к Отечеству» писал: «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Учёный чужестранец может преподать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времён, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков».

А ещё раньше, в своём знаменитом «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»: «Какое знание можем мы иметь в природном языке своём, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своём никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оногo, но ещё многие из них с им постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются. Будучи таким образом воспитываемы, едва силой необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или учёном языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оные книги, а наипаче превосходными писателями сочинённые».

Но он же был не только ненавистником Голицына, но и противником святителя Филарета. Удивительно, как порой бывают врагами люди, коих потомки почитают с одинаковым благоговением! Шишков яростно выступал против перевода Священного Писания и Филаретовских катехизисов. (...) Новый министр просвещения добился запрета на печатание как большого, так и малого катехизисов, а также потребовал остановки перевода Библии на современный язык и получил одобрение¹.

Еретики-обновленцы, что при пособничестве богохулов-большевиков пытались воцариться в Русской Православной Церкви, ратовали о переводе Святого Писания, Священного Предания, богослужебных книг с божественного церковнославянского на суетный язык грешных романов.

* * *

При использовании заёмной речи, как справедливо заметил Белинский, необходимо здравомыслие и здравокусие, дающее русскому человеку чувство языковой меры.

Но самая страшная напасть в нынешнем... языке не поворачивается молвить, *русском*... языке, – натиск хамского тюремного жаргона, а то и просто подзаборной брани в разговорную, да и книжную речь, отчего похожа на свалки в дачных березняках нынешняя речь. Опять на Руси воцарился мещеточный хам с жаргоном. Уйму слов испохабила нынешняя нерусская – русскоязычная речь; воскликнешь: «голубое небо» – похабно ухмыльнутся, пропоёшь: «голубой вагон бежит, качается...» – похабно рассмеются, помянешь иркутский полустанок «Голубые ели» – ёрники добавят: «...и пили». Вот дожили: уже и эпитеты «голубой, красный, коричневый, красно-коричневый, оранжевый...» в песенную строку грешно лепить, двусмысленно выходит.

Да, в старорусской деревне обитали мужики, а ино и бабы, одержимые бесом сквернословия, и старухи, отмахиваясь, боязливо крестясь, плевали под ноги матюжникам, а старики сокрушенно ка-

¹ Александр Сегень. «Филарет Московский». Молодая гвардия, 2011 г.

чали головами: «И как ты сим поганым ртом хлеб ешь?! как отца и мать поминаешь?! не говоря уж о Боге...» В начале прошлого века, когда ещё девяносто процентов крестьянского населения, слава Богу, владело величавым пословично-поговорочным, природно-образным, божественным языком, жаргон ядовито расцветал лишь в либерально-демократической, газетной и литературной местечковой, одесской «малине». А теперь русскоязычному жаргону полная воля, родному языку – скорбная неволя. Это как российские правители презируют свой народ, свою отеческую речь, чтобы дозволить такое, когда по радио и телевидению, в поездах, самолётах, автобусах денно и ночью звучат уголовно-жаргонные, богомерзкие «песенки», – вроде, *«я беременна, беременна, беременна, но это временно, временно, временно...»*, когда жаргон и мат, словно ядовитые помои из взорванной канализации, захлестнули нынешнее кино и, к великой скорби, даже и российскую литературу. Невольно помянешь, опять же, Александра Шишкова: «Хочешь погубить народ, истреби его язык».

* * *

Краса и сила речи в умении мастерски расцветить её метким образным словом, народным речением, кое шлифовалось веками. Народная мудрость, своё высшее и поэтическое воплощение нашла в пословицах и поговорках, и даже загадках. Народ осознавал особенное, заглавное положение пословиц и поговорок в родном языке, что и выразил устно: *«Красна речь с притчею; пословица ведётся, как изба веником метётся; пословица недаром молвится; на твою спесь пословица есть; белый свет не околица, а пустая речь не пословица»*.

Не все пословицы и поговорки, разумеется, являют собой образцы высокой христианской духовности, но они запечатлели живую и верную, яркую картину народной психологии, отобразили и противоречивость русского характера, вмещающего в себя непостижимую миру самоотрешённую любовь к Богу и ближнему, но и отчаянные, безрассудные языческие страсти. Есть там и Христова Церковь, и бесовский кабак... Пословицы и поговорки разом выказали эти порой взаимоисключающие стороны русского характера, противостоящие народные типы. *«Без Бога ни до порога, Бог не захочет и прыщ не вскочит, и в тоже время: На Бога надейся, да сам не плошай; Гром не грянет, мужик не перекрестится, а то и похлеще: Украл да продал – Бог подал; Господи, прости, в чужую клеть пусти; подсоби нагрести и вынести; Не убьёшь, не украдёшь – не будешь богат, а будешь горбат»*.

Русские пословицы и поговорки собирали, записывали М. Ломоносов, А. Пушкин, А. Добролюбов, А. Кольцов, Н. Гоголь, А. Островский, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, М. Горький. Но ничто не сравнится с великим трудом, народным подвигом, что совершил учёный диалектолог, этнограф и писатель Владимир Даль (Казак Луганский), за несколько десятилетий собравший более 30 тысяч пословиц и поговорок, метких слов и присловий, расписавший их в строгую тематическую систему. Нельзя забывать, что народовед одновременно трудился и над многотомным «Словарём живого русского языка».

Благословил и вдохновил Владимира Даля на создание сборника «Пословиц русского народа» (да и «Толкового словаря живого великорусского языка») Александр Пушкин, любивший русскую пословицу не менее сказки. Владимир Даль вспоминал: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений»¹.

П. И. Бартенев в «Рассказах о Пушкине» писал: «За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина». А в статье посвящённой памяти Даля Бартенев подтвердил: «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его собрание и пополнял своими сообщениями». Во время одной из последних встреч с Владимиром Далем Александр Пушкин воскликнул с восторгом и горечью: *«Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя ещё! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет»*². Пушкин

¹ Даль В. И. ПСС в восьми томах. Казак Луганский. М., «Столица». Т. 1. С. XXIV.

² Бартенев П. И. «Рассказы о Пушкине». М., 1973. С. 11.

не скромничал, исповедально и поклонно опустив голову перед величием народной поэзии, хотя и гений-то пушкинский, чудо его поэтическое, перво-наперво в том, что он, дворянин, казалось бы выросший на английских и французских романах, сумел ...поклон Арине Родионовне... пробиться к народно-православному духу и крестьянскому слову, и тем самым воспарил, воцарил над поэтами «золотого века», коих Господь тоже не обделил талантами.

* * *

Нелёгкой была судьба «Пословиц русского народа», собранных, обработанных и тематически обустроенных Владимиром Далем. С добрым вниманием, глубоким интересом следили за его титаническим трудом писатели, критики, скажем, славянофильского крыла русской общественной мысли. «Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление моё, – вспоминал учёный, – также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества». Сложнее было отношение к сборнику Даля со стороны *многоученого сословия*, – чопорных академиков и самого императорского двора, – испугавшегося *деревенской темы и мужичества*, не воспринявших правду о народе русском, пусть даже в его мучительном противоречии христианского и языческого.

Если академик Востоков, в целом одоблив сборник, сомневался в необходимости включать в него пословицы и поговорки на религиозные темы, то протоирей-академик Кочетов резко осудил труд Даля и выступил против его публикации. Кочетов считал, что «памятник мудрости народной» должен явиться драгоценным подарком русскому народу, преподнесённым человеком «обращающимся в лучшем обществе», «знающим светские приличия», а сборник Даля «чуждый отбора и порядка; в нём есть места, способные оскорбить религиозные чувства читателей; есть изречения, опасные для нравственности народной». Это «бочка мёду да ложка дёгтю», «куль муки да щепотка мышьяку», – вздыхал академик Кочетов и пояснял свою скорбь: «Нет сомнения, что все эти выражения употреблялись в народе, но народ глуп и болтает всякий вздор»¹.

И хотя Даль был человеком завершённых православно-монархических убеждений, что, кстати, выразилось и в подборе пословиц, император Николай I высказался против публикации сборника. У императора Николая I, как и у академика Кочетова, была своя правота, – забота о православной духовности и нравственности вверенного ему Богом народа (он бы и хотел, чтобы сборник пословиц, очистившись от языческих суеверий, был духовно-нравственным поучением), Даль же в «Пословицах русского народа» показал полную, неискажённую картину народного мировоззрения в противоречии христианского и суеверно-языческого, духовного и хозяйственно-материалистического. Он в «Напутном слове» и укоряет, обращаясь к себе: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не *цветник*, а *сборник*...»² Хотя, тем не менее, подчеркивая, что набожность – православность – основная черта русского человека (суть, крестьянина, который составлял в далевскую пору более девяноста процентов населения России), да порой доходящая до юродивости, но ласковая, тёплая набожность, какая и не снилась европейским народам, а суеверно-языческое – есть лишь побочное и грешное в русском характере. Но ведь один Бог без греха...

Российские деятели из просвещённого общества пытались загнать русское простонародье в ложе своих идеологий: правящей православно-монархической верхушке хотелось видеть его лишь в смиренных крестьянских трудах от темна до темна, в домостроительстве и молитвах, либералам же потребен был народ безбожный и бунтующий; но русскому простонародью и то и другое идеологическое ложе оказалось узким, – народ был сложнее, загадочнее, и, к сожалению, духовно противоречивее. Отчего и рождались в нашем отечестве великие и кровавые смуты и духовные трагедии. И это правда, от которой не откреститься крестом, не отбиться пестом.

* * *

Русская народная культура и мудрость, – это крестьянская культура и крестьянская мудрость. С такой любовью сказал об этом Александр Куприн в своём поклонном слове русскому крестьянину.

¹ Даль В. И. ПСС в восьми томах. Казак Луганский. М., «Столица». 1995. Т. 1. С. XXI.

² Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 5.

«Когда, говорят «русский народ», я всегда думаю – «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я – знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».¹

Словом, **народная мудрость**, выраженная, в том числе, и в пословице, – **крестьянская мудрость**, и уж никак не дворянская или интеллигентская. Об этом писал Владимир Даль в «Напутном слове» к своему сборнику «Пословицы русского народа»: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещённом обществе пословицы нет; попадают слабые, искалеченные отголоски их, переложённые на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплёку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намёк весь выходит наружу.

(...) У нас же, более чем где-нибудь, просвещение – такое, какое есть, – сделалось гонителем всего родного и народного. (...) Только в самое последнее время стали догадываться, что нас леший обошёл, что мы кружим и плутаем, сбившись с пути, и зайдём неведомо куда. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва своё, насильственно переносили к нам всё в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой – бездарность опошлила то, что, усердствуя, старалась внести из родного быта в перчаточное сословие. (...) Как бы то ни было, но из всего этого следует, что если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребёнку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху.

Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная и хорошая сторона. Отцы и деды – для него великое дело; не раз ожёгшись на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: «Все по-новому, да по-новому, а когда же будет по-доброму?» Он неохотно отступает от того, что безотчётно всосал с матерним молоком и что звучит в мало натруженной голове его складною речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная.. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи, и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти». ² (Выделено мною, – А.Б.)

Я сожалею, что нынешние сельские жители, сплошь и рядом погрязшие в мрачной и безысходной гульбе, в нищете и лени, забыли, что они соль земли, что они не серая, тупая масса, что они народ, – народ великий, что вся культура и русская мудрость искони от деревни. Но, тем не менее, видя, что даже на фоне сельской порухи крепнут трезвенные, азартно работающие, сноровистые мужики, я верю, что тяжёлые испытания пройдут по русскому крестьянству очистительным огнём, и сильные не только выживут, но снова, – лишь в деревнях зазвонят православные колокола, – станут духовным, нравственным, культурным ядром нашей измученной, оживающей из пепла, нации. А потом и заговорят *по-русски*...

Не забудем же вещее слово Василия Шукшина: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что всё было не зря, наши песни, наши сказки, наши неимоверной трудности победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».³

¹ Цит. по кн. Селезнев Ю.И. Избранное. М., 1987. С. 440.

² Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 6–7.

³ Шукшин В.М. Вопросы самому себе. М., 1981. С. 21.